

Акад. Гр. Капанцян

### Об урартском божестве Adarutha

Это божество, неизвестного до сих пор значения, упоминается в знаменитой сакральной надписи урартских царей Ишпуини и Менуа, высеченной в конце девятого века до нашей эры на скале под современным именем „Эпзим-даг“, недалеко от города Ван<sup>1</sup>. Надпись, как известно, помещается на гладкой поверхности громадной каменной двери, называемой армянами „дверьми Мхера“ (*Մխրի դուռ*), и состоит из двух текстов, основного в 31 строку и параллельного в 63 строки, причем этот последний является дублированием предыдущего текста, помещенного сверху. Некоторая разница между ними замечается только в фонетической клинописной передаче. Параллельный нижний текст страшно пострадал. Надпись повествует о построении этих дверей вышеупомянутыми царями, затем приводится пантеон урартских богов, коим надлежит погодно и помесечно приносить то или иное количество жертвоприношений быками, овцами, телятами. По этому количеству, как и порядку перечисления, можно познать ранг этих божеств, как главных, так и второстепенных.

На строке девятой главного текста упоминаются три божества, которым надлежит принести в жертву одного быка и двух овец. Эти божества следующие: Adaruta, Irmušini и бог „aluše urulive šuali“.

Последнее божество передано описательно и по-моему значит „кто души переводит“. Слово *aluše* „кто“ часто встречается в урартских надписях, особенно в „формуле заклания“ („кто эту надпись разобьет, кто повредит..... преступника боги Халд, Тешуп, Ардини

<sup>1</sup> Чтение „бог a-da-ti-la-a“, установленное всеми расшифрователями, точно проверено нами по фотоснимку надписи, хранящемуся в „Историческом Музее“ Армении (в Ереване).

<sup>2</sup> У местных армян сохранилось поверие, что в день Вознесения Мхер (=иранск. Mithr < Mithra) выходит из этих дверей, иначе гонимая освобождается изнутри этой скалы (горы), а все это дескать задела одна новобрачная невеста. Несомненно, что здесь мы видим отголосок древневосточного сказания об умирающем и воскресающем божестве, в частности того варианта, когда герои или боги вынуждены укрываться в этих скалах или горах, ожидая удобного момента для освобождения. Невеста же служит в данном случае символом возлюбленной этого бога, заточенной (смерти) и освобожденной (воскресения), подобно древним образам Интар, Кибелы и др. Ср. также армянское сказание об Ара Прекрасном и Семпирмиде, где сохранился тот же мотив.

и прочие боги да предадут наказанию, а его родню, Inaiini (= ?) и семья земле да предадут"). Глагол же *siuāli* встречается в военных надписях, где при уgone пленных и животных в город Ван (—Via-ina), упоминается в форме аориста *šiuibi* „я погнал“, вместо частого *ragibi* или *agiibi* с тем же почти значением. Существительное *uṛūli* упоминается во второй части формулы проклятия, где *arhi-uṛūliani* „родня“ мне представляется сложным словом из *arhi* „вокруг“ (есть подобное же слово и в хеттском) и *uṛūli* „душа, личность“ (приблизительно), к чему близок арм. *արիւն* *uṛu*, *արիւն-ազիւն* *uṛu-akan* „призрак“. Так что это третье божество, как видим, передано описательно, а не по имени.

А что обозначают предыдущие два божества — *Adaruta* и *Iṛmušini*?

О последнем я говорил в своем труде „История Урарту“ (стр. 47). Его корень *ṛm-* несомненно родственен с хеттским *ṛma* „болезнь“, *ṛm-ali* „больной“, а суффикс *-uše* (*-iše*, *-ase*) имеется в многочисленных производных словах (ср. *uṛguše* „здоровье“, „жизнь“, *ṛiṣuše* „радость“, *ḡuṛuše* „бой, сражение“ и пр.), так что *ṛm-uše* должно было значить „болезнь“, а новопроизводное *iṛmušini* значило бы „к болезни относящийся“ (с обыкновенным урартским суф. *-ini*), т. е. „*Iṛmušini* = бог, имеющий отношение к болезни (к исцелению), бог болезни“.

Как видим, из трех божеств — *Adaruta*, *Iṛmušini* и бога, переводящего души, последние два имеют отношение к болезни и смерти. Бог *Iṛmušini* видимо спасает от болезни, а последний безымянный помогает душам уже после смерти.

Спрашивается, а какое назначение могло иметь божество *Adaruta*? Вероятнее всего оно было близким по функции к этим двум богам болезни и смерти (resp. спасения души). В предыдущих строках (7—8) упоминаются разные божества, коим также приносятся в жертву бык и две овцы, но они большей частью трудно определимы. Эти божества следующие — *Anarsa*, *Diduaini*, *SIN*, Халдовы оружия, *Atbini*, *Kuega*, *Elipri*, *Halraini* (что читают теперь и Таггани). Из них понятны „Халдовы оружия“, что фактически не есть особое божество, затем *SIN* передано в основном тексте этим вавилонским идеографическим знаком (𐎶𐎵), что значит „луна“, а в параллельном тексте передано клинообразным, т. е. фонетическим урартским *si-e-la-ar-di* (= *Selardi*), что значит „ночи солнце“ (*Ard-ini* „солнце“, ср. также имя бога *Sinuwardi* „звезда“?). Из остальных имен перечисленных божеств *Anarsa* походит на хеттского бога *Napsara*, *Atbini* сходен по корню с хеттским же *\*Hatebinu* (с уменьшительным суф. *-ini*, ср. *\*Telēp-inu*), *Halraini* с хеттским *\*Hallara*. Но что все они значили? Значения самих хеттских богов *Napsara*, *Hatebinu* и *Hallara* нам неизвестны. В перечне же божеств девятой строки (*Alaptušini*, *ErInašini*, *Uṛuṇa*) только последнее имя *Uṛuṇa* можно с большой натяжкой связать с именем вавилонского *Onnes* (*Oannes*), так передава-

емого Беросом. А этот рыбоподобный бог, как известно, вышел из моря и учил людей письму, искусствам, земледелию. Урартское Уни-па можно читать Оп(i)па, имея в виду, что двойной согласный звук в урартском обыкновенно передается одним, а в данном случае раздвоенно (вроде арм. папана „чаппа“ или имя области Маппаһи вместо Маппаһи); писание же знаком „и“ может передать и гласное „о“ (ср. урартс. Tušpa=арм. Tosp, греч. Thōspitis и пр.).

Тем не менее божество Adarutha в свете приведенного „божественного окружия“ не поддается непосредственной смысловой ориентировке. Как будто оно ближе к божествам той же девятой строки (к богу болезни и к богу, проводнику душ). Оставляя пока трактовку значения, обратимся к имеющимся возможностям объяснения по данным звуковой внешней схожести, по данным этимологии, что сейчас нам более помогает в понимании эволюции значения<sup>1</sup>.

Само урартское имя Adarutha фактически произносилось Adarutha, т. е. имело аспрированное th, а не простое t, для чего клинопись имеет особое обозначение, транскрипционно передаваемое через t.

К этому Adarutha фонетически примыкают разные вариации имени сирийско-арамейской богини Atargatis, подлежащего позже и в виде Derketo. Во-первых, имеем писание Ἀτταρχατῖς или Ἀταρχατῖς, а еще чаще Ἀταρχατῖς (Strab. 16, 748, 785. Arcad. 36, 18)<sup>2</sup>. Эта же форма передается и Плинием (Nat. hist. 5, 81) в латинской передаче Atargatis. Храм этой богини находился в городе Иераполь (Hierapolis) на берегу Ефрата, где она изображена была как обыкновенная женщина, тогда как под сходным названием Derketo она изображалась в храме у Дамаска (в Аскалоне) как русалка, т. е. с нижними оконечностями рыбы. Храм этот находился непосредственно у глубокого озера с многочисленными рыбами, которые были посвящены этой богине Derketo. Сохранилась монета от 332 г. до нашей эры, которая происходит из города Иераполи<sup>3</sup>. Здесь также читается

<sup>1</sup> Например, у вавилонян упоминается полубог Uga вместе с героем Isin. Этот Uga считается героем богов, получает разрешение у бога Ану, делает набег на все стороны и производит разрушения. В одном месте (Gressmann, *Altorientalische Texte und Bilder*, Tübingen, 1911, I. S. 71—72) говорится следующее: „О герой, оставил ты город и в образе собаки вошел в палату, едва тебя увидели воины, как оружия упали из их рук“. Uga описывается как кровожадное, буйное и злое существо (см. об этом у А. Матикиана, *Ара Прекрасный*, стр. 183—184). По-моему для точного понимания этого вавилонского полубога Uga следовало бы не упускать из виду его этимологию, его возможное происхождение от сумеров, у которых ит значит „собака“ (ср. также сумерс. илпалц „лев“, т. е. собств. „собака большая“). Потому Uga и является в образе собаки. В халдском (урартском) пантеоне богов на „дверях Мхера“ (строка 12) также упоминается бог Uga, что вероятно является привнесением вавилонской культуры. В урартском двойные согласные не сохраняются, а изменяются в один согласный, потому и вавилонское Uga передано урартским Uga с тем же вероятным значением (=жадный до завоевания и разрушения герой-полубог в образе собаки?).

<sup>2</sup> См. у А. Матикиана, *Ара Прекрасный*, Вена 1930 г., стр. 208.

<sup>3</sup> Эта монета хранится в парижской национальной библиотеке.

имя богини в форме Atargates. Страбон и Плиний говорят, что Atargates или Atara то же самое, что у Ктесия Книдского Derketos (Страб. 16, I, 27, Плиний, *Натуральная История*, 5, 12)<sup>1</sup>. Известный ученый Т. Нильдеке предлагал имя Atargates этимологизировать как Athar + Hathe, из которых первая часть есть арамейская форма Иштар (Ištar ~ Asthar > Athar), а вторая часть есть малоазийское Atis, т. е. имя известного фригийского бога. Так что все слово должно было значить „Иштар Атиса“, т. е. та Иштар, любимцем которой является Атис (см. *The Syrian Goddess*, H. Strong and I. Gastrang, p. 27; см. у Н. Адонца, там же, 79). По-моему это Athar-hathe скорее должно было значить „Иштар хетта“, т. е. хеттская Иштар, тем более, что хетты (hatti), или точнее хатты, когда то имели большое культурное и этническое влияние на Сирию, где даже в позднее время (в VIII в. до н. э.) сохранились хеттские мелкие государства (напр. в Каргемеше).

Хотя Atargat- (или \*Darkat- = Derket-) в своей этой основной форме, как сложное или производное образование, и не сохранилось в ассирийских клинообразных надписях, но первая часть Atar- (Athar) к счастью сохранилась. В ассирийских надписях Atar или Attar часто обозначается как арамейско-арабская богиня. Например, в надписях Ассурбанипала фигурирует богиня Atar-šamain „Атар неба“ почитаемая каким-то северно-арабским кочующим племенем или родом<sup>2</sup>. Для ученых сейчас нет никакого сомнения, что форма Athar (Atar) возникла из более старого Astar (= Иштар), для чего сравни также сабейское Ath-tar, ханаанское Astor и с суффиксом -et для женск. рода — Astoret, откуда греческое Astarte.

Но в сирийских текстах сохранилась и сложная форма Atargates. Во первых пальмирские надписи сохранили нам 'Athar'athēh или 'Athar'athe, где гласная „а“ в середине имеет сначала перерыв голоса. Возможно, что этот „айн“ (ʾ) в других местах заменялся мягким придыханием. Во всяком случае армяне этот звук передавали спирантом h, приравнивая этот айн к своему национальному произношению. Так, напр., в переводах из книг Ефрема (I, 225, II) армяне пишут Թարհաթայ Tharhathay как имя одной сирийской богини, а то пишут и Թարհաթա Tharahatha, Թարհաթայ Tharahathay, хотя у М. Хоренского имя этой богини написано без „h“, т. е. Թարթայ Tharathay (кн. II, § 27)<sup>3</sup>. Приводя эти армянские заимствования, из-

<sup>1</sup> Об этом см. Н. Адонц, *Мировоззрение древних армян*, журнал „Айреник“, Бостон, ноябрь 1926 г., стр. 79.

<sup>2</sup> Так передается у Н. Zimmera (см. KAT<sup>2</sup>, S. 434): „Attar, Atar wird in den assyrischen Inschriften wiederholt aufgeführt als aramaisch-arabische Gottheit. So in den Inschriften Assurbanipal's, wo ein nordarabischer Nomadenstamm als Verehrer der Göttin Attar-šamain, d. i. der „Attar des Himmels“ bezeichnet wird, also eine Himmels-gottheit“. Эту справку любезно дал мне Евр. Тер-Минасян, чем я ему весьма обязан.

<sup>3</sup> Говорится о постройке сирийским царем Абгаром города Эдессия, куда из Мцбинн (= совр. Нисибин) он перевозит идола богов Набога, Бела, Батникала и

вестный арменист и иранист) Hübschmann (см. его Armen. Gramm., стр. 293), считает эти формы передачей сирийского ܐܬܪܬܐ Tar 'atha, попадающегося у Philipsa (Doctrine of Addai, 24, 18), приводя также греч. Ἀταρχατις (по Страбону, 785). В связи с этим хотел бы я обратить внимание на неправильное толкование Н. Адонцем окончания -atha в армянской форме Թարաթա Tharatha, как частицы женского рода, тогда как здесь -atha есть сокращение из -hatha сложного Tharhatha или Tharahatha, а это есть передача сирийского Thar'-atha, что греки, также приписывая к своему происхождению и письму, передавали через Derketo или Atargatis(is), т. е. вместо гортанного взрывного ' (айн) они писали к или g.

Возвращаясь к нашему урартскому богу Adarutha, я считаю его заимствованным из семитического мира, точнее из той группы арамейско-сирийских языков или диалектов, где женские формы имели суффиксом -utha, к чему прибавляли и конечное а (в сирийском), хотя последнее, т. е. прибавление с конца а могло быть свойственным и самому урартскому языку<sup>1</sup>. Следовательно, основой или точнее корнем урартского Adarutha нужно считать Adar-, подлежащее в сабейском и арамейско-арабском Atar или Attar. Во всех семитических формах, кроме Derketo, дается эта основа с глухим t или th, только в урартском (Adarutha) и сирийском (Derketo) имеется звонкое d. Следовательно возможна была первичная форма Asdar, а не только Aštar (Ašthar), как передача сумеро-вавилонского имени богини Иштар. Из основы Athar имеются как само это имя, т. е. арамейско-арабская и сабейская форма этой богини, так и сложное Athar-gat(is), название той же богини в Иераполе, откуда с падением начального „а“ имеем сирийское Thar 'atha (> арм. Թարաթա Tharhatha). Из основы же Adar- образованы урартское Adarutha (пишется A-da-ru-la-a) и сложное Derketo вместо \*Adarkato (ср. Athargat-is) с выпадением начального „а“ как в сирийском же Thar'atha. Что могла быть огласовка с „а“ вместо „е“ (т. е. Adarkat- вместо Derket-), так на это указывает помимо грекоримской передачи Atargatis 'а, сирийского Thar 'atha, также и форма Darkia в одной легенде о походе ассирийского царя Нинуса в Армению. Здесь форма Darkia считается уменьшительно-ласкательной. При учете точного происхождения и установления путей проникновения к урартцам богини Adar-

Тарата. Это место по-армянски гласит: *Յայնժամ շինեւ [Արգար] քաղաք դռեղի պահպանաթիւնն դռինն շտուռ. որ յառաջագոյն գգուշանայ, եւ Բրաւառն ի Կասիոսէ, որ Կռի Եղեւիայ. և փոխէ ի նա Գարրուշիս որ ի Մծրին, և զամենայն Կուսս իւր. զնառու և զԲէլ և զԲաժիթրադ և զԹարաթայ, և զմատենան մեհենիդ վարժարանի, և յոռոտաւայն դդիւնն Թաղաւորացն.* (см. кн. II, § 27, по Тифл. изд. 1913 г. стр. 114).

<sup>1</sup> Ср. обилие конечного „а“ в именах урартских царей—Menua, Inuspa (сын Менуй), Tagia (жена Менуй), Rusa, Erimena, а также в именах богов—Teiseba (ср. субарийское Tešur без конечного „а“), Silia, Adia, Talaphura, Adarula. Erina, Unina, Kueta, Anarsa, Ar'a, Ura и др. Армянские Harma, Amasia, Ara и т. п. своими „а“ как будто стоят в связи с этим урартским, а еще лучше сирийским (или сиро-урартским) влиянием.

utha следует, конечно, иметь, во-первых, в виду эти Derketo (вм. \*Darkato) и Darkia со своими звонкими *d* в противовес формам Athar (Athar), Alar, Atargatis и пр., где имеется глухое *t* (или *lh*). Во вторых, урартское Adarutha имеет окончание женского рода -utha (= ūtha) которое подобно -ltha только и свойственно арамейско-сирийским диалектам, хотя им свойственно и женское окончание -ath, как это имеется в еврейском, арабском и др. семитических языках (см., напр., Н. Zimmern, *Vergleichende Grammatik der semitischen Sprachen*, Berlin, 1898, стр. 25)<sup>1</sup>. Все это заставляет нас считать урартское Adarutha несомненным заимствованием из северных арамейских диалектов, считая последнее гласное „а“ по происхождению спорным, ибо не во всех арамейских диалектах это конечное а обязательно (в сирийском это нормативно), а в самом урартском, как уже нами выше было указано, весьма распространена такая концовка (с гласным а), подобно хуррийскому (субарийскому) языку.

Очевидно случайным нужно считать внешнее сходство нашего Adarutha с арабским 'uṭarid (= Меркурий, Гермес), перешедшим в виде заимствования и к армянам (օտարիշ otarit), ибо арабское слово обозначает божество (и планету) мужского начала, не говоря уже о начальном гортанном 'айн-е, что впрочем может быть и поздним явлением, не имеющим генетического значения.

Каково же точное значение урартской богини Adarutha, считае-мой нами арамейско-сирийским вкладом в урартский пантеон, как производное семитическое же образование, от основы Adar- с специфическим женским суффиксом -uth(a)?

Концептуальное определение, хотя бы и приблизительное, для имени нашей богини Adarutha уже не представляет больших затруднений. Здесь нужно иметь в виду значения простых или производных — сабейской Athar, арабско-арамейской Atar (Attar), ханзанской Aslor (Aslorei), финикийской Astarla и пр., а с другой стороны значение сложного имени Atargal-, сохранившегося в формах Atargalls, Ἀτάργατις, Derketo, Athar'atha, Thar'athā || Tharhatha (Թարհաթա) и пр. Значение всех этих божественных форм одного и того же имени Atar (<Aslar) или Adar (<Ašdar) несомненно одинаковое: это — богиня любви, плодovitости, размножения и пр., что имеется и в сумеровавилонской богине Иштар, которая вдобавок покровительствует роженицам, изо-

<sup>1</sup> Этот арамейский суфф. женск. рода -utha наличен и в некоторых армянских заимствованных из сирийского языка, напр. в арм. Խանութ Խանութ „лавка“ — сир. Խանութ Խանութ „laberna“ (откуда арабск. Խանութ), арм. Գաղութ Գաղութ „колония“ — сир. Գաղութ Գաղութ „exilium“ (см. Hübsch, *Arm. Gr.* 301—302, 304), арм. Թաղութ Թաղութ „бука“ — сир. Թաղութ (id.). По-моему имя Խանութ Խանութ (женск. имя), возлюбленной героя арм. эпоса Давида Сасунского, также арамейско-сирийского происхождения. Возможна первичная форма \*Xadd-utha („блестящая“?). Этот арамейский суфф. -utha не нужно смешивать с общесемитическим -uth для абстрактных имен (напр. в аккадском Զար Զар „царь“, но Զар Զар „царство“), что я вижу в арм. суфф. -ութ, օութ (напр. Բնութ Բնութ „натуральное свойство“, Երևութ Երևութ „явление“ и пр.), что напрасно слияты вывести из индоевропейских языков.

бразаясь с младенцем на груди, но и имеет также военные склонности, будучи также возлюбленной бога Таммуза.

Имея в виду роли этой одноименной богини у семитов, как и особенно помещение урартской Adarutha рядом с богами болезни (resp. исцеления) и смерти (с переводом души), я считаю значение этой урартской богини более или менее уточненным и очерченным, а именно как богиню рождения. Следовательно в упомянутой надписи Ишпуини и Менуа (9 строка) приносятся жертвоприношения богам—рождения, болезни (исцеления) и смерти (с перенесением души). Упомянем даже одно сведение, исторически доподлинно засвидетельствованное и относящееся к богине Иштар, которая исцеляет от болезней: митанийский царь Тушратта по просьбе египетского фараона Аменописа III посылает последнему идол Иштар, чтобы она исцелила больного фараона (Knudtzon, III, Nr. 6, Taf. 23, S. 179—181).

Значение и влияние урартской богини Adarutha видимо было сужено только ее отношением к рождению (родам) и размножению, а может быть и к исцелению. Но едва ли она была богиней любви в том большом культурно-общественном понимании, как это придавалось, скажем, Иштар или Кибеле. При таком высоком положении урартская богиня упоминалась бы в первых рядах после Халда, Тейшебы и Ардини, т. е. божественной урартской троицы. Здесь мне можно сделать одно несвоевременное возражение, а именно жена верховного бога Халди по имени Bagbarti (т. е. богиня Барт-у) даже совсем не упоминается в урартском пантеоне богов, перечисленных в вышеназванной надписи царей Ишпуини и Менуа, и об этой богине узнаем только из надписи ассирийского царя Саргона. Но конечно этим еще не доказывается отсутствие женских богов у урартцев. Например, в вышеприведенной же надписи (строка 21) упоминается божество Aia, что мной отождествляется с вавилонской богиней Aia (или Aa), считающейся „матерью лесов“, а первоначально просто значило „зеленый“. Конечно могут быть и другие случаи женского божества в приведенном перечне урартских богов. Вообще же говоря, женское начало не доминирует у урартцев, и в этом отношении у урартцев преобладал патриархальный строй, т. е. мужское начало, как отчасти у семитов. У хеттов же богиня города Аринна, а именно Nerit (у греков Hērta), стояла во главе хеттского пантеона, подобно отчасти другим древним малоазийским народам (ср. у фригийцев роль Кибелы, у понтийцев роль Ма, т. е. великой матери богов и пр.), что отчасти передалось и армянам (ср. роль богини Anahita), ликийцам (Artemis) и др.

Армяне, как культурные и политические наследники древних урартцев, казалось бы должны были сохранить хотя бы некоторое количество урартских божеств. Но мои исследования показывают скорее другое, а именно большую связь в этом отношении армян с хеттами или фригийцами и вообще с древним малоазийским миром, чем с урартским, хотя и влияние урартской государственности и

культуры возможно и сказывается в сказаниях об Айке и Беле, Арае и Семирамиде, где Бел и Семирамида, конечно, месопотамского происхождения. *А вообще придется думать, что армяне еще до освоения Урарту уже явились сложившимся народом с определенным языком и мировоззрением, которое имело сильное религиозно-культурное содержание.*

Армяне перенили и некоторые древне-семитические (аккадские) божества, как, напр., Անգէլ Angel, Բնդաš engla, Նար Nag „нимфа“ и др., отсутствующие в урартском пантеоне, как и много ассиро-вавилонских слов (до шести десятков), а все это еще раз доказывает, что подобный вклад скорее произошел через посредство народов или племен южной части исторической Армении (областей Софена, Турубераи, Алзник и др.), чем непосредственно через ванцев-урартцев.

Наше это маленькое исследование об урартском божестве Adarutha выявляет одно из таких звеньев в цепи культурно-исторического влияния древнего семитического, в данном случае арамейско-сирийского мира, на доармянское население исторического Урарту. А значение такого точно определяемого факта, хотя бы и маленького, как происхождение этого божества Adarutha, с определением путей его проникновения к урартцам, имеет в конечном счете то большое значение, что способствует выявлению и выяснению вообще многих культурно-исторических проблем как во время самой урартской государственности, так и сравнительно позже, уже при армянской действительности, очень много обязанной этому же древне-семитическому миру.